

РАССКАЗ НАЧАЛА XX ВЕКА И СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗОВ К. Ф. ЖАКОВА

Г. К. Лисовская

Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866—1926) — писатель, творчество которого в начале XX в. привлекло внимание А. М. Горького, А. А. Блока. А. М. Горький в 1912 г. в письме А. В. Амфиатову так оценивал его творчество: «Нашел интересного писателя — зырянин. Ах, хорош!».¹ В том же году в письме Л. Андрееву он повторил свою высокую оценку творчества К. Жакова: «Знаешь, в России есть интересный писатель Жаков, зырянин. Любопытнейшая фигура».² Из этого отзыва видно, что А. М. Горький включает творчество коми писателя в контекст российской литературы тех лет. Действительно, творчество Жакова, который создавал свои произведения на русском языке, невозможно понять вне поисков литературы начала XX в. Ведь он начал свое творчество в одно время с такими писателями, как А. Ремизов, М. Кузмин, он внимательно следил за творчеством Л. Толстого, Л. Андреева, К. Гамсуна, посвящая им критические статьи и рефераты, и в то же время искал свои пути, связывая их с выражением коми национального сознания. Эти особенности его творчества нашли отражение не только в автобиографической повести «Сквозь строй жизни» (1912—1914), но и в рассказах, которые вошли в сборники «На Север, в поисках за Памом—Бур-Мортом» (1905), «Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере» (1906), «В хвойных лесах. Рассказы Коми-морта» (1908), «Из жизни и фантазии» (1907), «Под шум северного ветра» (1913)...

¹ Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка.— М.: Наука, 1988. — С. 400.

² Литературное наследство. Неизданная переписка. / Под ред. А. М. Еголина, Н. Ф. Бельчикова и др. Т. 72.— М.: Наука, 1965.— С. 316—347.

В конце XIX — начале XX в. ведущее место в системе жанров в литературе занял рассказ.³ Этому способствовал ряд причин. Главная заключалась в общей политической, культурной атмосфере России тех лет. Н. Бердяев позже писал: «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания».⁴ Нестабильность в обществе не содействует созданию крупных произведений, осмысливающих судьбы общества и личности в их эпической широте, напротив, малые жанры способны быстро откликаться и на злободневные политические проблемы и отразить актуальные морально-этические искания тех лет. Часто духовные искания приобретали религиозный характер. Однако нельзя согласиться с автором монографии «Религиозная философия в России» В. А. Кувакиным, что суть их в стремлении «объединить силы реакции в условиях бурного роста революционно-демократического, а затем и пролетарского движения, роста симпатий передовой интеллигенции к материализму и атеизму».⁵ Религиозные искания свидетельствовали о том, что человеческая мысль и чувства стали стремиться найти опору в общечеловеческих ценностях. Это, в частности, нашло отражение и в поисках рассказа начала века.

Характеризуя рассказ этого времени, В. Я. Гречнев указывает на общую тенденцию в рассказах к постановке нравственно-философских проблем, интерес к фольклору, притчам, аллегории. В рассказе, согласно В. Я. Гречневу, лирическая стихия сочеталась с этической (рассказы Короленко, Куприна, Бунина, Андреева).⁶ Э. А. Шубин, отмечая усиление морально-этических тенденций в рассказах Л. Н. Толстого, связывает это с «мировоззрением писателя, ставшего на позиции патриархального крестьянства».⁷

Эти тенденции нашли отражение и в рассказах К. Жакова. Он, с одной стороны, обращался к быту народа, а с другой — к его фольклору и философии с тем, чтобы выразить народное самосознание. Именно это — отражение народного самосознания в связи с духовными исканиями литературы начала века — определяющее в рассказах К. Жакова. Религиозный философ В. Соловьев, оказавший значительное влияние на эти искания, писал: «Органи-

³ Шубин Э. А. Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра.— Л.: Наука, 1974; Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX—XX века (проблематика и поэтика жанра).— Л.: Наука, 1979.— 208 с.; Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века.— М.: Наука, 1975.— 280 с.

⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии.— Париж, 1949.— С. 149.

⁵ Кувакин В. А. Религиозная философия в России. Начало XX века.— М.: Мысль, 1980.— С. 160.

⁶ Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX — начала XX века. (Проблематика и поэтика жанра).— Л.: Наука, 1979.— С. 18.

⁷ Шубин Э. А. Современный русский рассказ. Вопросы поэтики жанра.— Л.: Наука, 1974.— С. 49.

ческое мышление (философ считал его высшим типом мышления, постигающим идею предмета, в отличие от механического мышления — Г. Л.) вообще... принадлежит истинным философам и народным массам».⁸

И для Жакова фольклор — это философия народа, в которой «важнее всего... дух утверждения истины, добра и красоты» (Н. Конрад).⁹ К. Жаков и произведения оценивал с точки зрения того, насколько они приближаются к философскому, нравственному, эстетическому уровню произведений народного творчества. Поэтому, например, он ценил Л. Толстого — не как автора «Войны и мира» и «Анны Карениной», а как автора сказок, потому что, как он полагал, в них «истинная поэзия, реальный оптимизм».¹⁰ Этот взгляд К. Ф. Жакова смыкается с воззрениями советского ученого Н. Я. Берковского, который отмечал, что «народные рассказы Толстого — одно из величайших достижений словесного искусства конца века».¹¹

В творчестве К. Ф. Жакова нашли преломление два течения в литературе конца XIX — начала XX в. — традиционное (реалистическое) и модернизм. Использование творческих достижений А. Чехова, Л. Толстого, и тут же стиливая близость его сказочных произведений Л. Андрееву, раннему М. Горькому, К. Гамсуну, что проявилось в «любви к таинственному и неизведанному, страстному поклонению природе», «в глубокой бездонной тоске души».¹² Слова эти, написанные К. Жаковым по поводу К. Гамсуна, приложимы и к нему самому. Недаром самые сильные, яркие статьи написаны им о Л. Андрееве и К. Гамсуне. Однако, пропуская через себя лучшие достижения литературы начала XX в., Жаков остался самобытным писателем, преодолевшим многие болезни своего времени, потому что все его творчество уходило корнями в народную жизнь и культуру.

Рассказы К. Жакова можно разделить на три группы: рассказы из быта коми крестьян (реалистические рассказы), фольклорно-фантастические и рассказы, в которых органично сочетаются реалистическое и фантастическое (сказочное).

Для реалистических рассказов писателя характерна этнографическая достоверность, узнаваемость национальных типов и национального образа жизни. Правда обстоятельство, запечатленная в них, выявляет социальный взгляд на деревенский быт. И в этом отношении они близки к этнографическим очеркам удмуртского

⁸ Соловьев В. С. Из работы «Чтения о богочеловечестве» // Кувакин В. А. Философия Вл. Соловьева. — М.: Знание, 1980. — С. 59. (Приложение).

⁹ Цит. по кн.: Гулыга А. Искусство истории. — М.: Современник, 1980. — С. 135.

¹⁰ Лекция К. Ф. Жакова // Вологодский листок. — 1911. — № 276.

¹¹ Берковский Н. Я. О мировом значении русской литературы. — Л.: Наука, 1975. — С. 180.

¹² Жаков К. Ф. Кнут Гамсун и основные мотивы его творчества // Гамсун К. (Собр. соч. Кн. 1). — СПб.: Ясная поляна, 1909. — С. 5—16.

писателя Г. Верещагина, в которых по словам А. Н. Уварова, «чувствуется глубокое понимание психологического склада ума крестьянина-удмурта.¹³ Так, в «Очерках из жизни рабочих и крестьян на севере» (1906)¹⁴ мы видим жизнь коми деревни начала века с ее голодом, бедностью, нуждой. «Зима только начинается, а корову уже кормит нечем», — пишет К. Жаков. Вот и отправляются крестьяне из Выльгорта на Богословский завод. Но и здесь ждут их те же беды. Погибает задавленный деревом Исак, а Филипп и Василий возвращаются домой. («Думали нажить 50 рублей, а заработали лишь 20»)¹⁵.

В рассказе «На подсеке» (1911) тяжелая крестьянская жизнь изображена просто и точно. Максим и его беременная жена отправляются в лес, чтобы освоить лесной участок под посев ржи, — «рожь дает богатый урожай, продадут его и построят новый дом, старый совсем прохудился».¹⁶ Но мечтам этим не суждено было сбыться — умерла жена при родах, задохнулся ребенок. Максим остался один. А в деревне все по-прежнему: господствует «мироед и кулак Торлопов, который каждый год отнимает оброк то у коквицких крестьян, то у ипатьдорцев».¹⁷ Социально-психологическая правда этого рассказа в том, что трагическое здесь представлено в его горькой обыденности.

Глубокий психологизм — отличительная черта реалистических рассказов К. Жакова. В них творчески преломились открытия А. П. Чехова по «раскрытию психологии среднего, обычного человека».¹⁸ «Трагизм примелькавшейся, незаметной повседневности»¹⁹ присутствует в цикле рассказов «На Север в поисках за Памом Бур-Мортом» (1905); рассказах «Улетин—Елена» (1910); «Из дневника Александра Петровича Маслова» (1911) и других. Часто эти произведения построены как воспоминания о прошедшей жизни. Образ безвозвратно текущей Сысолы из рассказа «Улетин — Елена» подчеркивает печальную интонацию в повествовании о поисках героем девушки, которую он когда-то любил («Улетин — Елена, Улетин — Елена! Где ты, жива ли, иль увяла ты, как лучшие цветы моей души?»)²⁰ Жизнь прошла, а счастья не было ни у нее, ни у него, как и у героя рассказа «Из дневника

¹³ Об истоках удмуртской литературы. — Ижевск: Удмуртский Ин-т истории, языка и лит-ры при Сов. Министров УАССР, 1982. — С. 38.

¹⁴ Жаков К. Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере. — СПб.: М. В. Пирожков, 1906.

¹⁵ Жаков К. Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на севере. — СПб.: М. В. Пирожков, 1906. — С. 49.

¹⁶ Вологодский справочный лист. — 1911. — № 184.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Проблемы развития реализма в зарубежной литературе XIX—XX веков. — Киев — Одесса: Вища школа, 1978. — С. 112.

¹⁹ Там же. — С. 113.

²⁰ Жаков К. Ф. Улетин — Елена, Рассказ. — Архангельск.: Губ. тип., 1910. — С. 3.

Александра Петровича Маслова» — чиновника из маленького уездного городка, серую, скучную жизнь которого осветила трагическая любовь. Автор восклицает: «Бесконечно важна и мировая гармония, но и момент имеет свое значение, и человеческое желание счастья».²¹

Одной из самых дорогих для Жакова была идея абсолютной ценности человеческой личности, которая непереступаема.²² Показателен в этом плане рассказ «На Шугоре» (Из жизни печорских староверов, 1910). Простая история о том, как хотел солдат Филипп убить свою жену за измену да не сделал этого, потому что понял после долгих бесед со стариком-старовером, что «человек-то ведь больно дорог, ох, как дорог».²³ Жизнь — неотъемлемое право каждого — основная мысль этого рассказа.

С идеей ценности человеческой личности связана другая идея, которая волновала Жакова, так же, как и многих других мыслителей конца XIX — начала XX в. (М. Горький, А. Чехов, Л. Андреев, И. Бунин) — это фанатизм и его опасность. И Жаков опасался, что в будущем или «будет торжествовать деспотизм полуграмотной массы»²⁴ или деспотизм идей, но «как и раньше, как всегда — личность человека останется угнетенной».²⁵ Нельзя оправдать насилие, изуверство ни идейными соображениями, ни благими намерениями. Староверка Аграфена из рассказа «Дарья Родионовна» (1908) с бесчеловечной жестокостью «спасала душу» своей дочери от греховной любви. Но не смогла победить любовь молодых людей, их стремления к естественному человеческому счастью. Рассказом «Дарья Родионовна» писатель показал ущербность фанатизма, невозможность зажать естественное течение человеческой жизни в противоестественные тиски каких-либо догм. «Жизнь — поток, не может осушить его пламя фанатизма»,²⁶ — так заканчивает Жаков свой рассказ.

Писателя вместе с тем угнетала бедность народа, отсталость Коми края, в силу которой личность не могла реализовать свои возможности. Так, Пиля из Шойнаты («Шойнаты», 1905) — непутевый мужик, плохой рыболов, не может содержать семью. Но Жаков видит в нем талантливого сказочника: «Иная судьба тебе

²¹ Жаков К. Ф. Из дневника Александра Петровича Маслова. Рассказ // Вологодский листок. — 1911. — № 277.

²² Жаков К. Ф. Леонид Андреев и его произведения (Опыт философской критики) // Андреев Л. Рассказ о семи повешенных (Беспл. приложение к журн. «Ясная поляна»). — Спб.: А. А. Цветков, 1909. — С. XX.

²³ Жаков К. Ф. Джек и Качаморт (Сев. сказка). На Шугоре (Из жизни печорских староверов). — Архангельск.: Губ. тип., 1910. — С. 12.

²⁴ Горький М. Несвоевременные мысли // Лит. обозрение. — 1988. — № 12. — С. 90.

²⁵ Там же.

²⁶ Жаков К. Ф. Дарья Родионовна // Жаков К. Ф. В хвойных лесах, Рассказы Коми-морта. — Спб.: Парма, 1908. — С. 38.

назначена была богами».²⁷ А вот другая судьба — церковный староста Дмитрий, когда-то замечательный сказочник, теперь он забыл их («Эжол», 1905). Еще одна нереализовавшаяся личность.

Поэтика этих рассказов К. Жакова строится на противопоставлении прекрасного мира природы (высокое чистое небо, величавые лиственницы, величавое солнце) и обыденной жизни крестьян (грязные улицы, старые плохонькие избушки, «надоедливая суета кончающегося дня», «горе, заботы, недоверие, бесконечное недоверие друг к другу».²⁸ Человек несчастлив еще и потому, что живя в окружении прекрасной природы, он в заботах о хлебе насущном не чувствует ее. И счастье его в хотя бы кратковременном состоянии гармонического единения с ней («Коквицы», 1905).

Лирическая активность авторского повествования, в которой неприкрытое сочувствие своим героям, характерная особенность реалистических рассказов писателя. Она сближает рассказы К. Жакова с рассказами А. Чехова, М. Горького, Л. Андреева.

Но Жакову как писателю гораздо ближе был другой тип рассказов, который он сам называл сказками, а себя «сказочником»,²⁹ открывающим в крестьянской жизни мир крестьянских мифов, мир крестьянских верований и патриархальных представлений. Необходимо отметить, что сказку писатель рассматривал не как конкретный фольклорный жанр, а шире, «как некий вечный универсальный символ».³⁰ В своей автобиографической повести «Сквозь строй жизни» К. Жаков так определял типологию своих рассказов: «Когда.. нет «выраженной победы над тоской жизни, рассказы носят «северный, бытовой характер». «Эпос, в частности, сказка или «безыскусственное повествование», эти формы наиболее удобны для оптимизма, как результата победы «над мировой тоской и скукой» при помощи творчества».³¹ Эти мысли К. Жакова соприкасаются со взглядами О. Э. Мандельштама, который отмечал, что «быт — омертвление сюжета, фольклор — рождение сюжета».³²

Фольклорное в рассказах К. Жакова непосредственно связано с его пониманием характера жизни, в которой писатель видел начала Диониса (пессимистическое, «ужас жизни» по А. Блоку) и Аполлона (творческое, животворящее). Изображением ужаса жизни и определяется композиция его реалистических рассказов. По К. Жакову, начало XX в. связано с периодом господства Дио-

²⁷ Жаков К. На Север в поисках за Памом Бур-Мортом. — Спб.: П. П. Осинов, 1905. — С. 47.

²⁸ Там же. — С. 9.

²⁹ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. — Спб.: М. К. Костин, 1912. — С. 13.

³⁰ Нейлов Е. М. Волшебнo-сказочные корни научной фантастики. — Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1986. — С. 6.

³¹ Жаков К. Ф. Сквозь строй жизни. — Спб.: М. К. Костин, 1912. — С. 107—108.

³² Мандельштам О. Э. Слово и культура. — М.: Сов. писатель, 1987. — С. 202.

ниса, т. е. пессимизма. Преодоление его, «зарю нового поэтического творчества», оптимистический период господства поэзии Аполлона он связывает с творчеством позднего Толстого, а шире — в обращении к могучему источнику вдохновения — устному народному творчеству.³³

С осмыслением народного мирозерцания и связана вторая группа его рассказов. В них он показал пантеистические представления народа, сохранившего к началу XX в. их нетронутыми. В рассказах со сказочным сюжетом К. Жаков так же правдив, как и в реалистических, однако для них характерна более сложная, опосредованная связь с жизнью. Так, рассказ «Гулень на небе» (1911) отличается достоверной передачей народных представлений о красивой, полнокровной жизни как жизни трудовой. Гулень (ленивец), попав на небо, увидел такую же трудовую жизнь, как и на земле: мать луны качает новый месяц, сын солнца выгоняет на водопой небесную корову-радугу, ветхая старуха моет бока небесному быку, а старичок украшает небесную зарю звездами («зарю украшаю, пока заря пройдет и прекратится, все уделаю на радость людям»)³⁴ Сам Великий Ен точит молнии брусом, взятым с Уральских гор. «И все-то вы работаете, — сказал Гулень, — и не с кем покалякать мне на небе».³⁵ В рассказах этого типа мир предстает первозданным и естественным, простым, понятным коми патриархальному крестьянину.

Такие рассказы К. Жакова, как «Жизнь Пама Бур-Морта» (1905), «Мудрый Пам» (Легенда Крайнего Севера, 1910), «Царь Кор» (Чердынское предание, 1911), «Войморт» (Северная сказка, 1911), «Бегство северных богов» (1911), «Атаман Шыпича» (1910) представляют собой разновидность фольклорно-фантастических рассказов писателя. Еще недавно в них видели лишь отражение идеалистической, мистической философии Жакова. На самом деле они воспроизводят народные предания, легенды и мифы, дошедшие с древнейших времен. О них размышлял Жаков в своей первой большой работе «Языческое мирозерцание зырян».³⁶ По дошедшим до нас фрагментам К. Жаков восстанавливает древние предания коми и других северных народов, о которых фольклорист Ф. В. Плесовский писал: «Специфичность коми преданий заключается в том, что в них сильнее, ярче, чем в других преданиях, сохранены древнейшие верования, общие для всех народов».³⁷ Но К. Жаков не был лишь реставратором произведений устного народного творчества. Его глубокое знание фольклора

³³ Лекция К. Ф. Жакова // Вологодский листок. — 1911. — Л. 276.

³⁴ Жаков К. Ф. I «Золотая сказка», II «Сказка серебряная», III «Гулень на небе», IV «Бегство северных богов». — Архангельск: Губ. ти., 1911. — С. 11.

³⁵ Там же. — С. 12.

³⁶ Научное обозрение. — 1901. — № 3. — С. 68—84.

³⁷ История коми литературы. В 3-х т. — Т. 1. — Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. — С. 118.

соединилось с сильным творческим воображением. Мифологические образы его рассказов органичны, уходят истоками в народную мифологию и в то же время тяготеют к современности. В его рассказах «Тогай» (1910), «Джак и Качаморт» (1910), «Беженада-Вирси-Урго» (1911), «Бегство северных богов» (1911) можно ощутить предчувствие будущих катаклизмов. Тревога за «неслыханные перемены, невиданные мятежи», которые сулит XX в., проникла в его сказки.

К. Жаков видел ломку вековых устоев жизни, видел то, что другой выдающийся представитель коми народа П. Сорокин в начале века называл «темными пятнами зырянской жизни» ушкуйничество, пьянство. «Несомненно, эти факты — явление переходной эпохи, переживаемой зырянами... Лишившись старых устоев, и старой почвы, и не успев еще выработать новых основ, они почувствовали, что все позволено».³⁸ Жаков также, как и П. Сорокин видел выход из этих тупиков в повышении культуры коми народа. Однако культуру он понимал намного глубже своих современников. В произведениях К. Жакова отразилось понимание культуры как культа предков и боль от того, что она оттесняется цивилизацией, которая разрушает и природу и ведет к духовному оскудению народа: «Пространные пармы оголели и открылись их синие вершины. Затем люди построили большие дома с красными высокими трубами и изменили жизнь на севере. Погасла лучина в избах мужиков и умолкли девичьи песни за прялками и шуршащим веретеном, и длинные сказки прекратились. Все закопошилось, засуетилось».³⁹ Навсегда ушли страшный Войпель, вещающая Ёма, древний Васа, темный Куль, мать солнца — Шонди-мам и многие другие северные боги, но «сны свои золотые и сказки лучезарные, песни веков о прошлых героях оставили людям»⁴⁰ В рассказах К. Жакова бегут от цивилизации не только боги, но и люди, уходя все дальше на север, где они «жили как короли в дремучих лесах, управляя своими стадами».⁴¹ Старик Тогай из одноименного рассказа, в ранней юности ушедший в город, предостерегает своих земляков от соблазнов больших городов. Он так говорит о цивилизованных народах: «И я думаю, скоро погибнут они все от разных болезней, войн, несбыточных желаний и стремлений, из-за жажды богатства».⁴² Главное, о чем печалится То-

³⁸ Сорокин П. Пестрое кружево (Дорожные заметки) // Вологодский листок.— 1911.— № 279.

³⁹ Жаков К. Ф. Бегство северных богов // Жаков К. Ф. I Золотая сказка, II Сказка серебряная, III Гулень на небе, IV Бегство северных богов.— Архангельск.: Губ. типография, 1911.—С. 22.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Жаков К. Ф. Джак и Качаморт. (Северная сказка). На Щугоре (Из жизни печорских староверов. Рассказ).— Архангельск.: Губ. типография, 1910.—С. 5.

⁴² Жаков К. Ф. Тогай (Самоедское предание) // Вестник знания.— 1910.—№ 6.— С, 1084,

гай, это то, что «белые люди» собираются вспахать тундры», «разрыть собираются верховья наших рек и прозрачные источники их соединить мутными каналами».⁴³

Взгляды К. Жакова совпадают со взглядами Л. Толстого этого периода, чье неприятие прогресса и цивилизации было связано с развитием капиталистических отношений в России. Неприятие Жаковым цивилизации тем более, что он видит в ней прежде всего посягательство на национальное. Она ведет, по Жакову, к уничтожению малых народов. В рассказах Жакова «Тогай», «Урилла» (1905), «Дочь пармы» (1905), «Бегство северных богов» и др. беспокойство писателя за сохранение национального образа жизни — единения с природой, разрыв с которой губителен для человека.

Фантазии Жакова носят ярко выраженный философский характер. Поэтому рассказы этого направления можно назвать философскими сказками. Чаще всего в них поднимается проблема личности.

В начале века эта проблема связывалась с отношением к философии Ницше. Жаков отрицательно относился к нищезанству как явлению, проявлявшемуся в русской жизни этого времени, считал его неорганичным для России. «Жить собственным я, чему учит нищезанство и что вытекает из неокантианства, русский герой не может».⁴⁴ Однако мысль немецкого философа об избраннической миссии отдельной личности оказалась близка Жакову также, как и многим русским писателям начала века (Скиталец, М. Горький, Л. Андреев и др.). Это нашло отражение в его рассказах. Так, героя рассказа «Беженада-Вирси-Урго» «Бог призвал к великому труду во имя людей. И Беженада добыл огонь из центра земли, обогрел и накормил всех людей».⁴⁵ В отличие от произведений многих писателей этого периода, прославлявших яркую личность, противопоставлявших ее серой массе, отсюда пессимистичных из-за того, что они никем не поняты (герой рассказа Скитальца «Несчастье» (1900), герои некоторых рассказов Л. Андреева), в рассказах К. Жакова личность проходит через страдания, одиночество и через преодоление гордости находит пути слияния с миром (Сказка серебряная, 1911). Тяжело героям писателя, которые ищут истину, идеал. Часто такие произведения построены как восхождение героев в гору или странствия по свету. Истина оказывается в служении людям, слиянии с жизнью наро-

⁴³ Жаков К. Ф. Тогай (Самоедское предание) // Вестник знания.— 1910.— № 6.— С. 1084.

⁴⁴ Жаков К. Ф. Леонид Андреев и его произведения (опыт философской критики) // Андреев Л. Рассказ о семи повешенных. (Беспл. приложение к журн. «Ясная поляна»).— Спб.: А. А. Цветков, 1909.— С. XX

⁴⁵ Жаков К. Ф. Беженада—Вирси—Урго (Северная поэма) // Вологодский справочный лист.— 1911.— № 199.

да. Умер в тоске царь великой Перми Кор, перенесенный в верховья Вычегды. Но сын его Мичаморт нашел себя в новой жизни, потому что не захотел возвыситься над жителями коми земли, а «зажил жизнью новой, подражая рыбам и птицам»⁴⁶ и уважая законы этой земли («Царь Кор»).

Часть рассказов К. Жакова представляет собой сочетание фольклорно-фантастического и реально-исторического материала. К. Жаков писал, что в них он «пытался изобразить простую, патриархальную, далекую от культурных центров жизнь зырянна-земледельца с его наивным мирозерцанием, бесхитростной моралью, с его органической близостью к матери-природе».⁴⁷ Вот, например, один из таких рассказов — «Пильвань» (1906). Это вполне реалистический рассказ о крестьянской жизни. В нем присутствуют те же мотивы, что и в рассказе «На подсеке». Здесь мы можем прочесть о тяготах крестьянской жизни. «Анисья сказывала мне, что хлеба у рыжего Федора хватит только на неделю, у Степана Соловья — на месяц, у Васьки Морошкина недели на три, у Синь Ваня на полтора месяца».⁴⁸ К. Жаков рассказывает здесь об охотничьих промыслах коми, об их нехитром житье-бытье, о церковном старосте Пильване, его дочери Наташе и сыновьях-охотниках. В центре рассказа — Пильвань выдает свою дочь за торгового крестьянина Степана Парамонова. Однако на свадьбе за столом у Пильваня сидят вместе и крестьяне, и герои коми сказок — колдун Тювö из Вишеры, и богач Трофим из Нёбдино, а в селе Ипатьдор вместе с крестьянами живет и нищий шестипалый Тимка, рожденный крестьянкой от медведя. Волшебное и реалистическое переплетено.

Так же построены и другие рассказы К. Жакова этого типа — «Дарук Паш» (1908), «Тунныръяк» (1908), «Рос» (1908) «Майбыр» (1908).⁴⁹ Например, герой коми легенд Тунныръяк живет с крестьянкой Ириной, у крестьянина Степана жена вещая Мария-красавица, Дарук Пашу помогает бог ветра Шуа, а герой сказа «Майбыр», как и Пильвань, собирает на свадьбу многих героев коми фольклора — это и Яг-морт из Ижмы, Тунныръяк с Вычегды, Тювö с Вишеры, а также действительно живших в начале XX в. крестьян — Панюкова из Ыджидвиддза, Фалалея из Усть-Сысольска (отец К. Жакова — Г. Л.), Пильваня из Ипатьдора.

На эту особенность произведений К. Жакова обратили внимание уже первые критики писателя. «Типы наивных, кротких людей, детей природы, чистых, как она, стремящихся к добру, как

⁴⁶ Жаков К. Ф. Царь Кор (Чердынское предание). — Архангельск.: Губ. тип., 1914. — С. 10.

⁴⁷ Жаков К. Ф. Очерки из жизни рабочих и крестьян на Севере. — СПб.: М. В. Пирожков, 1906. — С. 3.

⁴⁸ Там же. — С. 17.

⁴⁹ В хвойных лесах (Рассказы коми морта). — СПб., Парма, 1908.

Майбыр, Пам Бур-Морт, Вонулитто и другие, перемешиваются в его сказках с колдунами, гордыми, непобедимыми, страстными, мятущимися, являясь, несомненно, отражением тех психологических типов, которыми богат зырянский народ»,— писал в 1911 г. В. Огронович.⁵⁰ Стремление К. Жакова передать в рассказах наивное мирозерцание зырянина-земледельца и определяет такую специфическую черту их поэтики, как сочетание реального и фантастического. Ведь для коми крестьянина начала XX в. колдун, персонажи фольклора, столь же реальны, как и резчик по дереву Фалалей А. (А. С. Сидоров отмечал наличие «колдовского эпоса» у коми).⁵¹ Для этих рассказов писателя характерно то, что героев преследует какой-то рок. Например, у богатого крестьянина Пильваня (рассказ «Пильвань») погибает сын (придавила сосна, которую он срубил), куда-то пропал зять Степан Парамонов, умерла жена, да и сам он вдруг разорился и умер. На каторге кончает свою жизнь Парма Степан, который счастливо жил с Зарниной («Рос»). Вл. Соловьев писал, что «ход и исход нашей жизни зависит от чего-то, кроме нас самих, от какой-то превосходящей необходимости, называемой судьбой».⁵² Очевидно, К. Жаков разделял взгляды философа. В его рассказах судьба играет героями. В отмеченных особенностях рассказов писателя получили воплощение реальные обстоятельства коми крестьянской жизни (расслоение крестьянства, ломка вековых устоев жизни), которые приводили к драмам и трагедиям, воспринимавшимся ими как рок.

Типологическое богатство новеллистики К. Жакова от бытовых, реалистических до фольклорно-фантастических рассказов, характеризуя художественный мир произведений писателя, является зеркалом коми народной жизни, в котором отразились быт и мирозерцание коми крестьянства. Вместе с тем его творчество связано с духовными исканиями всей российской литературы начала XX века.

⁵⁰ Архангельские губ. вед.— 1911.— № 32.— С 3

⁵¹ Сидоров А. С. Знахарство, колдовство и порча у народа коми.— Л.: Изд. Центросовнацмена Наркомпроса РСФСР, 1928—С. 31,

⁵² Соловьев Вл. Судьба Пушкина // Юность.— 1984.— № 6.— С. 56.